

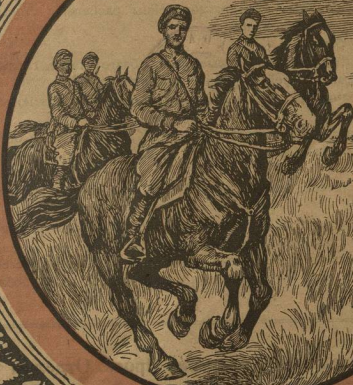
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНОАРМЕЕЦ

№

3.

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
Политического Управления Реввоен. Совета Республики.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Товарищи красноармейцы!

Поддерживайте связь с вашим журналом. „Красноармеец“ будет журналом интересным и полезным только в том случае, если сама Красная Армия будет питать его.

Товарищи-красноармейцы! Посылайте в редакцию (Москва, Сретенский бульвар, 6) описания вашей жизни, разных случаев на фронтах-посылайте рассказы, стихи, фотографии. Пишите какие вопросы вас интересуют, какие недостатки находите вы в журнале. Будьте не только читателями „Красноармейца“, но его участниками, его творцами.

Песни Красной Армии.

Часто приходится слышать, как красноармейцы распевают старые солдатские или грубые трактирные песни.

С этим злом надо бороться!

У Красной Армии должны быть новые песни: благородные, гордые, бодрые, достойные высоких целей и идеалов Красной Армии.

Редакция „Красноармейца“ предпринимает издание сборников новых песен для Красной Армии.

Для того, чтобы новые песни привились сразу, легко вошли в обиход, редакция думает использовать старую, всем знакомую музыку, изменив только текст.

В создании новых песен для Красной Армии должны участвовать все поэты революции.

Мы призываем к этому делу всех владеющих стихом, а раньше всего рабочих поэтов и поэтов-красноармейцев.

Посылайте в редакцию песни. Самые удачные из присланных песен будут премированы, то есть, оплочены сверх положенной платы добавочной.

Всем Полит-Отделам и Культурно-Просв. Отделам фронтовых и тыловых частей.

Сообщите немедленно, какое количество экземпляров журнала „Красноармеец“ заготовлять для вашей части.

К о л ч а к.

Царизма тяжкий пережиток,
Контр—революции очаг,
Позорный стан расстрелов, пыток.
И самодержец в нем—Колчак!
Он как кошмар над тьмою вырос.
Он рвется к Волжским берегам,
Его встречает с пенем клирос,
Ему возносят гимнам...
В его рядах—купцы и баре.
Князя, чиновники, попы,
Они грустят „о государе“
И молят счастья у судьбы.
Встречая с лаской генерала,
Смирная розгой мужика.
С хребтов угрюмого Урала
Он нам грозит издалека.
Сибири грозный поведитель,
Сбирая в банды всякий сброд,
Крестьян, рабочих усмиритель,
Колчак командует: „Вперед“!
За Русь! За веру! За дворянство!
Побольше дела, меньше слов!
Мещан, рабочих и крестьянство
Я отдаю вам, как рабов!
О, мне над Волгой только встать бы!
За ней немного уж преград.
Вам там—поместья и усадьбы.
А мне — Москва и Петроград!“
Горят кресты, сверкают ризы,
Хоругви блещут, льется кровь,
Курится ладон мутно синий
И песнь гнусавя про любовь,—
Идет толпа канжей и плутов,
Вожди из знати, из вельмож:
Колчак, Краснов, Деникин, Дутов,
И много их — не перечтешь.
Князя, вельможи и банкиры,
И венценосцы—короли —

Живут наднами, как кумиры,
Как украшение земли...
Колчак, упорный враг свободы,—
Слуга банкиров и вельмож,
Он защищал в былые годы
Царем увенчаную Ложь.
Как генерал один из многих
Он поднял руку на народ,
Душой жандарм он в мерах строгих
Найти желает поворот.
В погонах царских офицерство,
В рядах сплотившись Колчака
Полно разгнужданного зверства,
Вздымает злость на мужика,
Но ненавистней им рабочий,
Заводов, фабрик—верный сын,
Он стал для жизни честный зодчий,
Труда и братства граждан.
Он поднял молот грозным взмахом,
Он цепи рабства разорвал...
И полон трепетом и страхом
Всемирный деспот — Капитал!
Наш дивен день в рассвете алом
И знаем мы, кто стал нам враг:
Ни Колчаку, ни генералам
Не надломить наш Красный Флаг.
Идет не сказочный Мессия,
Идет с призывом братства Труд,
Идет Советская Россия,
Низвергнув ложь, твория свой суд.
Без орденов, без эполетов
Вершии мы жизни приговор,
Всем генералам власть Советов
Несет удар, дает отпор...
Победно блещет меч свободы
И веря в братство, веря в свет,
Не Колчаку, а нам народы
Шлют свой восторженный привет!

Сергей Заревой.

Вместе—победим.

Советская власть и буржуазия:

Еще недавно Россия была единственной в мире Советской социалистической республикой. Теперь их уже много: Россия, Латвия, Литва, Белоруссия, Украина, Бессарабия, Крым, Венгрия и Словакия. Во всех этих республиках власть перешла в руки трудящихся, земля отнята у помещиков, фабрики

отняты у капиталистов, и всем, чем раньше владели баре-богачи, владеет трудовой народ. Понятно, что не по нутру это помещикам и капиталистам других стран: боятся они, что революция как зараза перекинется и в их страны и прощай тогда земли, фабрики и капиталы. И вот, пока советская власть еще совсем окрепла, стараются помещики и капиталисты задвинуть ее: со всех сторон нападают на советские республики.

Наши враги.

Все буржуи и белогвардейцы разных наций помогают друг другу в борьбе с Советской Властью.

На севере „союзники“ идут рука об руку с русскими белогвардейцами; под красным Питером они перевозят на своих пароходах русских, финских и эстонских белых солдат, снабжают их деньгами, оружием и продовольствием, и во время боя обстреливают наши береговые позиции из судовых орудий.

На Западе действуют против нас латышские,

польские и немецкие легионы. Но и тут дело не обходится без „союзников“, и тут платят они белым солдатам золотом и хлебом за кровь красных солдат.

На Востоке против Советской Власти выступает Колчак, которого поддерживают американцы и японцы.

На Юге рабочие и крестьяне борются с казачьими белыми бандами, добровольцами Деникина, петлюровскими шайками, румынскими, французскими и греческими отрядами.

И, наконец, братскую нам республику, красную Венгрию окружили кольцом и стараются удушить и румыны, и чехи и опять все те же „союзники“.

Единый фронт против нас.

Мы знаем, что „союзники“ еще недавно воевали с немцами; немцы до сих пор еще не кончили войны с поляками, а поляки все еще дерутся с петлюровцами и чехами. Но против советских республик союзники, и немцы, и поляки, и чехи, и петлюровцы идут все вместе. Что же это значит?

Это значит, что буржуазия всех стран уже выстраивается против нас единым фронтом. Это значит, что против красного интернационала выступает белый интернационал.

Как нам быть?

Как нам быть?

Бояться ли нам того, что на нас идет войной столько „наций“?

Нет. Когда, год тому назад, против нас шла только одна Германия, нам больше было

причин бояться. Тогда империализм был еще силен, тогда революция была еще слаба. Тогда одна Германия могла еще выслать в бой против нас добрую половину своих солдат, а теперь целая „Лига Наций“ шлет на нас почти только одних своих белогвардейцев.

Если бы мировые хищники были сильны, каждый из них постарался бы справиться сам с Советской Россией.

Теперь же большим хищникам приходится натравливать на нас мелких шакалов и каждому обещать в награду кусок шкуры еще неубитого русского медведя. Почему же сильные хищники теперь

готовы делиться со слабыми?

Потому, что сами они час от часу слабеют в борьбе с русской и мировой революцией. На Красном фронте под Одессой, Херсоном, в Румынии и на Севере они уже терпят поражения. Их солдаты уже отказываются с нами воевать, их рабочие бастуют и угрожают им восстанием, а безработица, дороговизна и голод с каждым днем расшатывают их власть. Они должны погибнуть, и они погибнут.

Вот почему нечего нам пугаться наступающей на нас лиги мировых разбойников.

Но и праздновать победу пока еще рано. Русская революция один на один теперь легко справилась бы с каждым своим врагом. Но все они вместе еще достаточно сильны и могут натворить нам много бед.

Наше решение.

Что же должны делать рабочие крестьяне и красноармейцы советских республик: России, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма? Они должны еще теснее сплотить свои силы для отпора врагам. Они должны единому фронту мировой буржуазии противопоставить единый фронт всех армий советских республик. Так и сделали рабочие, крестьяне и красноармейцы.

1-го июня в заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, состоявшемся при участии представителей Украины, Литвы, Белоруссии и Латвии постановлено: провести тесное объединение военных организаций и военного командования советскими

социалистических республик: России, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма.

Как было до сих пор.

До сих пор настоящего единого боевого фронта у нас не было. Правда, советские республики помогали одна другой в борьбе с их общим врагом, но эта помощь не была организованной и объединенной. До сих пор не было у нас самого главного общего единого плана действий, общего командования и общего органа снабжения всех красных войск. И выходило часто так: на одном фронте больше чем нужно солдат, а на другом не хватает, на одном много пушек и мало снарядов, а на другом много снарядов и мало пушек, на одном фронте солдаты сытые, а на другом голодают.

Отчего это так происходило? Оттого, что трудящихся молодых советских республик не сразу поняли, что их боевое дело общее со всеми другими республиками, и многие из них рассуждали так: я-моя со своими врагами справлюсь своими силами, а до остальных мне дела нет. Однако жизнь скоро показала трудящимся, что против общего врага нельзя воевать врозь: нужно бить его всем вместе дружно и согласно.

Вот недавно случилось так: не хватило у нас войск на восточном фронте и стал сильно из Колчака теснить. Пришлось Советской России, чтобы дать отпор Колчаку, ослабить свой нажим на Деникина. А он собрал свои последние силы и стал крепко напирать не только на Советскую Россию, но и на Советскую Украину. Глядя же на Колчака и Деникина, расхрабрился бывший петлюровец, атаман Григорьев и в самой Украине поднял мятеж против Советской Власти. И теперь, чтобы всю эту беду поправить, нужно гораздо больше войск, чем раньше, когда требовалось только одну колчаковскую прореху заткнуть.

То же самое было и на Севере: не выдержали красные латышские стрелки напора немецких и латышских белогвардейцев и отступили под Ригой; от этого ослабели их удары с Запада на аэстчском фронте. Глядя, — а эстонцы уже на Восток прут: под самым

Петроград подошли. Свои успехи на одном фронте стараются белогвардейцы использовать на всех фронтах. Стоит только где-нибудь дрогнуть рабоче-крестьянскому фронту, и уже через головы рабочих и крестьян белые генералы и атаманы друг другу руки подадут.

Один фронт у наших врагов.

Один фронт должен быть у нас.

Красная Венгрия лежит в стороне от нас и как будто совсем не касается нашего фронта. Однако, когда напали румынские белогвардейцы на красных венгров, Советская Украина не задумавшись ни на минуту ударила своими войсками в тыл белой Румынии. Почему? Потому что поняли украинские рабочие и крестьяне, какая опасность им грозит: если бы удалось румынским белогвардейцам разбить Советскую Венгрию, не пощадили бы они потом и Советскую Украину; на это и рассчитывали румынские разбойники, да просчитались: хотели они бить на обе стороны поочередно, а теперь бьют их самих с обеих сторон в один черед. Значит и с Венгрией у нас — общее дело. Значит и с нею у нас должен быть общий фронт.

Наш единый фронт. 3

Единый фронт должен быть у всех советских республик. Единый фронт должен быть у всех рабочих и крестьян, борющихся за советскую власть, за земли, за фабрики и за освобождение трудящихся от власти бар и богатей.

Вместе — победим.

Единый фронт нужен нам для того, чтобы сберечь силы и жизнь красных солдат на всех фронтах.

Единый фронт нужен нам для того, чтобы точными, рассчитанными и согласными ударами разбить наших врагов.

Единый фронт нужен нам для того, чтобы показать всем трудящимся Запада и всего мира пример дружного пролетарского объединения и этим сказать им: мы все — вместе, почему же вы еще не с нами?

Единый фронт нужен нам для того, чтобы скорее привести нас к победе, миру и коммунизму.

Н. Горлов.

Рабочий, на Дон!

Брось станки, машины, молот

И бери ружье,

А не то тебя ждет голод —

Горькое житье.

Соверши святое дело

Гневом запылай

И в руках с винтовкой смело

Подвиг совершай.

Там в крови, огне пожарщик

Заравстает палач

Иль не слышишь ты, товарищ,

Братьев стон и плач?

Кто сумел рукой в мозолях

Власть свою сковать

Не захочет тот неволи, —

Будет воевать.

Эй, товарищ, не страшись

Ты не одинок

Местью огненной заглянись

Запад, юг, восток

Ты пропитан мощью стали

Гей, на Дон живей

Под винтовку, пролетарий,

И врага разбей!

Наташка-Ярославна.

В глаза смерти.

(Рассказ редактора).

Передо мной сидит запыленный, загорелый человек, лет сорока. Одна рука подвешена на веревочке. Голова обернута черной повязкой. Голос хриплый и не вынанный, — пуля пронизала правую лопатку, вышла в плечо, раздробила челюсть, на полном излете застряла во рту и была выплюнута вместе с кровью.

— Когда наш город обошли белые, я сидел у себя в редакции и заканчивал очередной номер газеты. На рассвете вместо газетчиков ко мне явились оборванные солдаты во главе с молодым офицером и, от имени сибирского правительства, отчаянно ругались, осматривали все углы и валамывали шкафы. А найдя в прихожей винтовку и ящик с патронами, они крепко скрутили мне руки и, подталкивая прикладами, повели.

Через час меня допрашивал толстый бритый офицер с полковничьими погонами. Навероятно коверкая русский язык он все время добивался: сколько стоит красных в Сарапуле? Хрипел, плевался, топал ногами и несколько раз выхватывал шашку из ножен, уверяя меня, что он этой шашкой перерубал пополам кавалериста-немца вместе с его лошастью. Не добившись ничего, приказал отправить меня обратно в арестантскую.

Здесь со мною сидело человек десять красноармейцев. Ночью к нам приволокли вдребезги пьяного бывшего секретаря земской управы. На банжете, устроенном в честь победителей местным купечеством и духовенством, злополучный секретарь сунулся говорить речь и начал ее „кромольным“ обращением к присутствующим: — „Товарищи!“ Дальше ему говорить не дали...

Секретарь вертелся на нарах, бил себя в грудь и с пьяными слезами на глазах вопил: „За что?.. за что?.. Ведь я и при царе всегда говорил „товарищи“?!“ Утром кромольника выпустили...

Вывели и нас всех на двор. Какому-то поручику приглянулись мои новые сапоги. Он

приказал мне разуться, одел мои сапоги, а свои отдал коноводу, который был в рваных лаптях, как и большинство их солдат. Мне достались лаптишки...

Много тут натерпелись мы от „народной милиции“, состоявшей из наших же горожан: учителей, гимназистов, купеческих сынков и мелких лавочников. Чего только они не придумывали! Приставляя ноганы к виску заставляли красноармейцев бит друг друга по лицу. Приказывали грызть зубами дуло пулемета, а сами в это время целились из него, держа руку на спуске. Стегали нас нагайками по половым органам, плевали нам в лицо и мерзко издевались.

Мучения кончились, когда во двор вехали три телеги. Меня и двух моих товарищей посадили на них, рядом с нами уселось по офицеру и мы поехали.

Далеко за городом, у вспаханного поля остановились, вылезли. Офицеры мрачно приказали нам следовать за ними.

Три пары людей, боясь взглянуть друг другу в глаза, молча двинулись в разные стороны.

Я знал, чем это кончится и просил моего спутника делать свое дело скорей. Ему видно самому хотелось скорее развязаться с этим гнусным делом.

— Стой,— сказал он,— становись, как хочешь!.. сейчас буду стрелять!..

Я стал боком и на секунду увидел далеко впереди, на черной пашне серую фигуру одного из моих товарищей. Он стоял перед офицером на коленях и махал рукой...

Сзади меня раздался выстрел, сердце сжалось от ужаса, в голове ярко мелькнула одна убийственная мысль: конец!

Я упал.

Очнулся от страшной боли в плече. Сперва подумал, что это уже смерть. Потом решил проверить это. Попробовал шевельнуть языком. Язык с трудом, но шевелился.

Сознание, что я жив, дало мне силу при

подняться на локте. Кругом, среди мертвого молчания расстиралось голое поле. Далеко сбоку чернел какой-то бугорок...

К ночи я дополз до стога сена у околицы какой-то деревни. Шанка, которой я заткнул рану, насквозь пропиталась кровью. Кое-как сделал перевязку из нижней рубахи, я, изнывая от жажды, забылся тревожным сном.

На рассвете меня окружили татары. Они взводилоvano о чем-то тараторили, показывали руками на другой конец деревни и, в конце концов, оттащили меня за версту от деревни и бросили в канаву. К счастью в канаве была вода. Она меня немного освежила.

А тут, как раз, проезжал русский крестьянин. Ввалив меня на телегу, он набросал сверху соломы и благополучно доставил меня в земскую больницу села Т. Здесь меня выхаживал врач, оказавшийся евангельским анархистом: он меня снабдил документом какого-то покойника и почти здорового отправил на всякий случай за сто верст в уездный город, который через четыре дня после моего приезда был занят красными.

Вот и все, что я могу рассказать вам о пребывании моем в лагере белых.

Н В.

Дезертир работает на царских генералов и капиталистов.

Дезертиры красного фронта.

Как шавки на медведя, насаждают со всех сторон на Советскую Россию ее враги—русские и заграничные помещики и капиталисты. Из последних сил выбиваются они, а встаетки хотят ее доконать.

Но не слатся рабоче-крестьянская республика, поднимается на бой с врагом, мобилизует свои силы. И города и деревни шлют на фронт красных бойцов. Красная армия выросла уже в могучую силу. Страшными ударами крушит она врагов.

И в это время в рядах нашей армии находятя люди, которые бросая товарищей в минуту опасности, бегут с фронта домой. Кто они—эти предатели братьев своих? Кто эти люди, нарушающие обет, данный ими торжественно перед лицом трудящихся всего мира? По большей части—трусы, шкурники, кулаковы сынки или тайные белогвардейцы. Но попадаютя среди солдат красной армии темные люди, которых смущают и подбивают на дезертирство—кулаки и белогвардейцы.

Плохо разбирается темный человек в том, что сейчас на свете происходит и часто повторяет слова, напечатанные ему на уху врагами трудящихся. Такие люди говорят: большевики нас обманули: прежде говорили про мир, а теперь на войну зовут. Не хотели мы при царе и Керенском воевать, не хотим и при большевиках. Нам мир нужен. И еще они говорят: обещали большевики хорошую жизнь, а никакой хорошей жизни нет. Раньше голодно и холодно нам жилось, а теперь еще голодней и холодней. За хорошую жизнь мы можем быть и стали бы воевать, а за плохую не хотим.

Таким людям, запутанным и обманутым мы говорим:

Не слушайте обманщиков, не верьте вашим врагам, прикидывающим вашими друзьями. Вам нужен мир. Всем рабочим и крестьянам нужен мир. Вся советская Россия жаждет мира. А как добиться его?

Сам мир к нам в руки не идет. Значит нужно бороться за него.

И с октября 1917 г. борется за мир Советская власть. Много раз предлагала она, напавшим на Советскую Россию грабителям, пойти на мировую, даже откупиться от них хотела, а они и слушать не хотят. Не хотят они миром покончить с Советской Россией; хотят они войной раздавить ее.

Что же нам еще делать? Может быть распустить Красную армию, сложить руки и ждать, что из этого выйдет?

А выйдет вот что: со всех сторон ворвутся большие и малые грабители в Советскую Россию, растеразят и разорвут ее на клочки, уничтожат Советскую власть, расстреляют и вздернут на виселицы сотни тысяч рабочих и крестьян, отберут у крестьян земли, у рабочих фабрики и заводы, посадят опять на шею всему трудовому народу помещиков, фабрикантов, губернаторов, генералов, чиновников, попов, земских начальников, стеновых жандармов, стражников и городовых.

Да мало еще того: станут между собою ссориться и драться, и заварится такая каша, которую и за десять лет не расклебаешь.

Мобилизуют они тебя тогда и погонят уже не на буржуа и белогвардейца, а на брата твоего, трудящегося. Скажут: «бей, крестьянин, великороссия, украинского крестьянина, стреляй рабочий Латвии в рабочего Литвы!» Хорошо это?

А служба твоя в армии уже совсем другая будет. Станут опять над тобой золотопогонные генералы и офицеры издеваться. Стой на вытязку перед каждым белогвардейским мерзавцем, честь ему отзавай и благородием величай. Будешь опять вместо нынешнего жалования гроши получать, паек твой красноармейский буржую отладут, а пенсию твоей семье—семье генеральной. Казарма станет тебе опять тюрьмой, а сам ты из человека опять в серую скотину превратишься.

Этого ты хочешь?

А не хочешь, так войди.

Ты говоришь—голодно и плохо жить при большевиках и за голодную и плохую жизнь не хочешь сражаться.

Ты думаешь—вот придут другие,—союзники там, или Колчак,—может быть лучше станет.

Верно, товарищ, лучше станет... Колчаку и союзникам, но только не тебе. Скажи ка, куда денутся все буржуа, помещики, генералы, бывшие министры, сенаторы, архиереи, губернаторы и прочие тунеядцы, которые сейчас у Колчака собрались. Одно место им только и есть—у тебя на шею.

А легче тебе станет от этого?

А союзники и другие заграничные белогвардейцы, думаешь, для чего к тебе идут? Для того ли, чтобы дать тебе хлеб, одежду, обувь и все, чего тебе не достает? Нет,—для того, чтобы взять у тебя все, чего им не хватает.

Не облагодетельствовывать пришли они тебя, а ограбить. И уже грабят. Уже давно вывозят они твой хлеб из Сибири, твой лес с Севера, твою нефть из Баку, твой хлопок из Туркестана.

Сами выжить, а тебе, хозяину всего этого добра, ничего не дают. Штыками своими загородили от тебя твой хлеб. Голодом и холодом морят они тебя, последний гвоздь и последнюю рубашку у тебя отнимают. Вот они какие благодетели! Так за то, что они тебя и детей твоих заморили голодом до полусмерти, за то, что грабят они твое добро и убивают твоих братьев трудящихся, ты—голодный, ты—ограбленный, ты трудящийся хочешь им челом бить?

Одумайся товарищ.

Голодом морят тебя твои враги, голодом же и смущают: голодно мол тебе оттого, что большевики хлеба не дают.

А на самом деле голодно тебе оттого, что не выгнал ты еще из своей страны грабителей, что не подолил еще конца их грабежу.

Если хочешь быть сытым, если хочешь лучшей жизни, так беги вперед, а не назад, не от врага, а на врага.

Бей грабителя!

Почти каждый дезертир все это и сам понимает, а про себя думает так: побегу с фронта я, другой, третий, а все не побегут. Товарищи мои останутся и отобьются от врага. А этого им и нужно. Тогда и власть советская будет спасена, и земля моя не пропадет, и сам я буду жив и здоров.

Тот кто так говорит—трус, шкурник, Каин и предатель. Ничем не лучше он буржуа и белогвардейца, потому что хочет он сесть на шею брату своему и ценою смерти его хочет кулить свою жизнь.

Кто бы ни был беглец с фронта—сознательный ли враг Советской власти, трус или темный человек—не избежать ему кары. Он дезертир, он нарушил свой обет, он отдал красного солдата белому врагу, он отдал на расстрел, на пытки, на издевательства и на

подневольную, рабскую жизнь братьев своих трудящихся.

Да покарает его суровая рука революционного закона!

И пусть не думает он укрыться от кары в своей деревне.

Деревня уже проснулась. Она поняла, кто ее враги, поняла опасность, угрожающую всей рабоче-крестьянской стране и свой революционный долг. Она шлет уже красных бойцов на фронт. И не даст она приюта ему;

Каину, предателю своих односельчан—дезертиру с фронта. Свои же односельчане изловят его и предадут народному суду.

А если и попадет его жизнь—суд народный, то не избежать ему—презрения всех близких. На лбу его до конца жизни будет позорное клеймо—печать Каина:

„Дезертир рабоче-крестьянской армии—предатель рабочих и крестьян“.

Красный солдат.

СИНИЙ ГАЛСТУК.

(Из воспоминаний красного командира)

Расназ МАРКА КРИНИЦКОГО.

Смотри зорко. Не верь людям, называющим себя „нейтральными“.

— Мы уже во второй раз выбили противника из города. Городишка был маленький, скверный, и он бы не стоил таких усилий, если бы в нем не было узловой станции, закреплявшей за нами весь район. В поспешном отступлении белые не успели взорвать путей, и моя задача была организовать охрану вокзала и пути. Было уже поздно. Перед тем я не спал уже трое суток, был голоден как собака, просто и, естественно, мечтал о более или менее сносной постели и стакане горячего чая ломтем хлеба. В такие мгновения, — вы знаете, — это, — умирает чувство опасности, делается весь как какой-то автомат. Двигешься, говоришь, отдаешь приказания, но это уже не настоящее, и если бы противник мог себе представить действительное положение дел, ему бы ничего не стоило вернуться и уничтожить весь до крайности переутомленный отряд. Спасение в одном: в его паническом бегстве. И, так, представьте, что вдруг в то время, когда вы находитесь в таком состоянии, к вам приходят и говорят, что вас ожидает обильный и вкусный ужин и теплая уютная постель в опрятном и милом обывательском доме, чудом уцелевшем от военного разгрома.

Семья тестя ревизора движения. На встречу выходит благообразный седой старик с дочерью. Горит электричеством. На столе, покрытом белоснежной скатертью, шипит никелированный самовар, блистает белизной фарфор, из суловой чашки поднимается аромат

ный пар. Груда белого хлеба, приветливые улыбки, искреннее пожатие руки.

— Я плохой политик, — сказал мне тесть ревизора движения, — как и вся моя семья. Позвольте представить вам: моя жена, дочь, сын.

— Молодой человек щегольского вида небрежно протянул мне руку. Я обратил внимание на аккуратно сделанный пробор в его волосах и ярко синий галстук. Мы сели ужинать.

— Я—обыватель, — продолжал говорить хозяин, — и для меня хороши все образы правления, если я имею хлеб и могу им поделиться с окружающими, потому что я не эгоист и в этом же духе воспитал моих детей.

— Пускай делают политику те, кому это интересно или нужно. Кроме того, я никогда ничего не понимал в политике. Я—музыкант и пишу музыкальные исследования и биографии великих музыкантов. Вот моя библиотека. Если она погибнет, пушу себе пулю в лоб, потому что я собирал ее ровно сорок лет. Сорок лет. Вы понимаете? Сорок лет! О!

Перед ужином мы выпили по чарке старой желтой польской водки (мой хозяин был поляк). Приятный огонь разлился по жилам. До меня доносилась точно издаലെка журчащая, как ручеек, речь старого поляка.

— Пусть себе враждуют народы и классы общества: искусство идет своей собственной дорогой. Оно вне национальностей и классов.

Оно принадлежит человечеству. Вы утверждаете, что дадите нам новый и лучший светлый общественный строй. Что я могу против этого возразить? Для меня хорош всякий общественный строй, в котором люди ценят музыку и искусство. О, что было бы, если бы я взял я руки винтовку пошел бы и залег где-нибудь в цепь с красным или белыми? Спрашивается: много ли от этого выиграла бы музыка? И точно также мой сын, который должен был в этом году сдать в академии экзамен на скульптора. Этою весной он женился, и мечтает о тихой творческой жизни.

— Оставьте, папа!—недовольно перебил молодой человек с акуратным пробором.

— Что я такого сказал?—возразил старик.— Господин офицер может быть удивляется, что ты не взят по мобилизации. Я объясню ему кто ты. Кроме того, я должен вам объяснить, господин офицер, что мой сын страдает наследственным пороком сердца, и с этим уже ничего не поделаешь. Это несчастье не по нашим временам, и это несчастье есть уже маленькое счастье, потому что он был призван и при старом царском правительстве, как и теперь, неспособным носить оружие. Может быть, ты хочешь, чтобы господин офицер дал тебе пропуск отправиться домой успокоить Эмилию. Господин офицер будет так добр, что, наверное, напишет тебе пропуск. Его жена Эмилия живет по ту сторону железнодорожного полотна на нашей небольшой даче. Туда одно время дожились снаряды, и мы все немного обеспокоены.

Молодой человек мне не особенно понравился, но я, все же, после некоторого колебания, согласился выдать ему пропуск, и он вскоре ушел, даже не протягивая мне на прощание руки. Сон меня одолел и я вскоре поспирился спать.

Не знаю, что это было. Во всяком случае, не сон, а какое-то похожее на огненный вихрь, забытье. Только один миг мне приснилась оружейная кононада. Я вздрогнул и пошевелился. Странный красный отблеск ударил мне в глаза. Военный инстинкт подсказал мне неладное. Я потянулся рукою под подушку за револьвером и опустил ноги на пол. И вдруг повторный удар, от которого

длительно задрожали оконные стекла, заставив в такт им задрожать мое сердце и грудь. Я понял, что это—взрыв. Через мгновение я был уже на улице. Было ясно видно, как на черном фоне ночи пылало какое-то здание возле железнодорожной водоначки. Отовсюду бежали люди. Кто-то сказал рядом: „Взорвано полотно“. В толпе, взбуждаемых взрывом людей, я увидел штатскую фигуру бьющуюся в чих-то крепких ругах.

Странно: я даже не очень удивился когда под его высоким стоячим воротничком различил синий галстук.

Его застали на месте преступления. Путь вместе со стрелкой был испорчен на несколько сажен.

Когда я увидел труднопоправимую беду, причиненную этим мерзавцем, я понял, что в ней виноват я и только один я, первую мыслью у меня было пустить себе пулю в рот. Железнодорожный узел был мертв на время, по крайней мере, на несколько дней. Вдруг я вспомнил о старике-музыканте. Жажда мести меня спасла. Я кинулся обратно к дому, стоявшему недалеко от вокзала. Двери оказались запертыми. Никто не отвечал ни на стук ни на звонки. Я приказал двери взломать. Кроме старухи-горничной в доме не оказалось никого.

Старика все-таки схватили на другой день к вечеру. Он был в крестьянском платье, и сначала притворялся непонимающим. Встретившись глазами со мною, он задрожал и побледнел.

— А,—сказал я:—здравствуйте, пане музыкант!—Теперь я знаю, какой вы занимаетесь музыкой и каков бывает нейтралитет у артистов.

Он взглянул на меня глазами затравленного зверя и хрипло проговорил:

— Иногда взрыв железнодорожной стрелки звучит не хуже музыкальной симфонии. Я исполнил свой долг, а вы—дурак.

На другое утро их обоих растреляли, а к вечеру нам вновь пришлось очистить городок, потому что наш узел бесцельствовал, и вскоре с юга обозначился глубокий обход противника. Можете себе представить мое самочувствие. Но зато, я теперь прекрасно знаю, что такое „нейтралитет“ в гражданской войне.

Мари Коиницкий

КРАСНАЯ АРМИЯ борется за землю, фабрики и власть для **КРЕСТЬЯН И РАБОЧИХ.**

БЕЛАЯ АРМИЯ борется за землю, фабрики и власть для **ПОМЕЩИКОВ И КАПИТАЛИСТОВ.**

Дезертеры помогают белой армии.

ДОЛОЙ ДЕЗЕРТИРСТВО!

Прежде.

Теперь.

Что самое главное в программе коммунистической партии.

В марте на всероссийском съезде партии принята новая программа. Она надолго ляжет в основу всей нашей деятельности. Каждый коммунист в каждом своем шаге должен спрашивать: соответствует ли это программе? Если поступаешь против программы, значит ты ложно называешь себя коммунистом, и тебя должны исключить из партии.

Каждый посторонний человек, чтобы понять деятельность коммунистов, должен справиться с их программой. Только тогда он сможет уяснить себе, настоящие ли перед ним коммунисты или же примазавшиеся к партии аферисты.

Чтобы легче понять нашу программу, нужно знать, что в ней самое главное,—тогда ясно станет, все прочее.

Мы, коммунисты, являемся сторонниками учения, установленного раньше Карлом Марксом. Поэтому мы часто называем себя марксистами.

Научный социализм или марксизм отличается тем, что в нем стремление к лучшему будущему, к всеобщей свободе и счастью, основано не на мечтаниях или фантазиях, а на науке.

И в основе этой науки лежит признание, что вся жизнь человечества в конце концов зависит от того, как производятся нужные человеку предметы: пища, одежда, жилище и прочее.

Когда изменяется способ производства, то неизбежно изменится и все прочее: обычай, нравы, поэзия, литература, политический строй и так далее.

Значит, чтобы понять по науке общественную и политическую жизнь, нужно прежде всего понять, в какую сторону изменяется производство необходимых предметов.

Лет сорок тому назад у нас среди революционеров шли большие споры. Большинство из нас говорило, что Россия—страна мелкого хозяйства, что большим фабрикам и заводам у нас не место, и что поэтому в России не может развиваться капитализм.

А если не будет развиваться капитализм, то не будет большого количества бесдомных рабочих-пролетариев. Поэтому свергнуть самодержавие может только интеллигенция, с помощью крестьян и при слабой поддержке рабочих, которых вообще слишком мало. Так говорили тогда люди, называвшиеся народниками.

Народникам возражали марксисты. Их было тогда всего пять или шесть человек, в том числе Плеханов. Марксисты говорили, что в России уже началось производство предметов не так, что каждый производит только для своей потребности, а производство на продажу,—или, как говорится по ученому, началось производство товаров.

А товарное производство не может оставаться мелким. Пока каждая семья ткала холст только на себя, до тех пор ткацкие фабрики не могли появиться. А когда пошло дело на продажу, тогда у кого лучше инструменты, тот быстрее разбогатеет, больше наймет рабочих, устроит лучшую фабрику, побьет конкурентов.

Фабрики неизбежно будут расти, мелкие хозяева разорятся, число рабочих пролетариев увеличится. Но рабочие никогда не примирятся ни с эксплуататорами-капиталистами, ни с самодержавием, которое помогает капиталистам избирать рабочих.

Значит, в России неизбежно будет рабочая революция или, как говорил Плеханов, революция в России будет делом рабочего класса, или ее вовсе не будет.

Значит, если хочешь революции против царя, то иди прежде всего к рабочему, проясней его сознание и помогай ему бороться против капиталиста.

Теперь, через сорок лет, когда горсточка людей в 5 или 6 человек, превратилась в самую сильную партию и правит всей Советской Россией, мы видим, как был прав Плеханов и его друзья. И не потому, что Плеханов был пророком и потому что он рассуждал по учению Маркса, по научному социализму.

Или вот другой, недавний пример.

В начале 1918 г. германцы предъявили нам очень тяжкие условия мира. Подписывать или не подписывать брестские условия?

Ленин и большинство нашей партии рассудили так: по научному социализму выходит, что в Германии скоро должна быть революция. Но нельзя определить точно, через месяц или через год. Так что эти условия мира будут пустой бумажкой. Что же лучше: подписать пустую бумажку и тем остановить германское нашествие, или же не подписывать и дать германцам разорить всю Россию? Брестский договор мы подписали, не читая его. А через полгода германцы прогнали своего Вильгельма, и от этого договора ничего не осталось.

Ленин, как и Плеханов, не пророк. Но он глубже всех нас изучил и лучше всех понял научный социализм. Он лучше всех поэтому видит вперед.

Он у нас—в роде инженера, а мы простые техники, машинисты и рабочие. Выдержит ли вот этот most тяжелый поезд? Мы будем спорить да гадать, а инженер осмотрит и скажет наверное. Если скажет „не пускать“, а мы не послушаем и поедem, то прямо угодим в воду.

По вопросу о брестском договоре левые социалисты-революционеры кричали нам: „вы изменники, продались немцам“. Были и сожалению даже и среди нас, большевиков коммунистов, хорошие товарищи, но слабые марксисты, которые говорили „не подписывать“. Они называли себя левыми большевиками, а других ругали правыми. Теперь они насчет брестского договора притихли. Но может случиться, что во внутренней политике они иной раз напорят не меньше, чем в том случае, если бы по их желанию мы не послушались Ленина при заключении мира с Германией.

И так, наша программа основана на научном социализме, на учении Маркса. По науке все зависит от того, как изменяются способы производства предметов, нужных человеку, улучшаются они или ухудшаются, развиваются или приходят в упадок. Улучшение способов производства называется по учению развитием производительных сил.

Развитие производительных сил состоит прежде всего в улучшении орудий, инструментов и вообще техники хозяйства. Человечество стремится к лучшей жизни, и поэтому только такая политика может считаться креп-

кой и правильной; которая способствует развитию производительных сил.

Если же политика правительства мешат развитию производительных сил, задерживает его, то такое правительство неизбежно будет сметено революцией, как бы оно ни усиливало полицию и армию, к каким бы строгостям ни прибегало.

Если падают производительные силы, то всем, становится жить все хуже, все недовольны, и от революции ничем не спасешься.

Когда началась в 1914 году великая война, марксисты сказали „Эта война—вельчайшая задержка и растрата производительных сил. Но она неизбежна, потому что капиталисты дошли до такой точки, что не могли не перерваться. Значит, война кончится всеобщей революцией пролетариата и крестьян против капитализма“. Так оно и вышло.

Рабоче-Крестьянская Советская власть, конечно, стоит за улучшение жизни рабочих, деревенской бедноты и среднего крестьянства. В этой власти главную роль играет коммунистическая партия. Но она знает, что можно, желая добра, сделать по неумелости самое большое зло. А самым большим злом является падение производительных сил. Вот почему главным делом является развитие производительных сил. Так это и сказано в нашей программе, на странице 15-ой, пункт второй.

„Как главное и основное, определяющее собой всю хозяйственную политику Советской власти, поставить всемерное повышение производительных сил страны. В виду тяжелой разрухи, переживаемой страной, практической цели—немедленно и во что бы то ни стало увеличить количество необходимых для населения продуктов—должно быть подчинено все остальное. Практическими результатами в этом отношении должна измеряться успешность работы каждого Советского учреждения, связанного с народным хозяйством“.

Речь, как видите, идет только о хозяйстве. Но научный социализм учит, что хозяйство—основа всей жизни. Значит в основе всей Советской политики, по нашей программе должны лежать повышение производительных сил.

При этом нужно помнить, что производительные силы заключаются не только в орудиях и инструментах. Самые лучшие инструменты ничего не произведут, если нет подготовленных рабочих. Значит, поддержание здоровья рабочих, повышение знаний и умения то же входят в понятие развития производительных сил.

Но и этого мало. Если есть и инструменты, и умение, да нет охоты работать, то никаких продуктов не получатся. А мало охоты—мало и продуктов.

Например, если у крестьян и вообще у отдельных хозяев систематически будут отбирать продукты, которых они не потребляют в своем хозяйстве, то зачем они станут улучшать и расширять хозяйство? Получится не

повышение, а падение производительных сил, получится политика против нашей программы, политика ложных, не настоящих коммунистов.

Всякое политическое мероприятие рассматривайте с точки зрения повышения производительных сил,—и тогда вы сможете каждый раз определить, правильно или неправильно

это мероприятие, согласно или не согласно оно с программой партии.

В следующей статье я надеюсь на отдельных пунктах программы и на отдельных мероприятиях Советской власти показать, как они согласуются с главным и основным требованием программы, помогать повышению производительных сил.

М. Ольминский.

Справедливый мир, или как поступила Антанта с Германией.

Сначала обещали
Дать полную свободу
Потом завоевали
И дали „шиш“ народу

Потом за стол присели,
По братски разделили,
И разделиши—с'ели,
А с'евши—похвалили!

П 3

Мировая революция.

[25-го октября (7-го ноября по новому стилю) власть в России перешла к рабочим и крестьянам. С той поры и пошла гражданская война. Идет она и по сейчас. То Корнилов, то Деникин, Краснов, Алексеев, Духов... всякие, словом, царские генералы наинулись на советскую Россию. Набрали они войско из белых офицеров, из белогвардейцев—барских сынков, казаков.

И лезут: хотят свалить рабоче-крестьян-

скую советскую власть, хотят снова в рабство вогнать трудящихся.

Идет война. Помещики и капиталисты воюют потому, что хочется им опять барами стать, хозяевами, бездельничать да жить привольно. Крестьяне и рабочие защищаются потому, что если они не будут обороняться, тогда отберут у них землю, фабрики и свободу, опять заставят трудящихся работать по 14 или 12 часов в день, за грош,

на чужой карман.

Вот и воюем. Тяжело, голодно—окружили нас со всех сторон враги,—а воевать надо, не то еще горше прежнего кабала будет.

Когда же кончится война эта? Как только перестанут на нас нападать помещики и капиталисты. А когда они перестанут нападать?

Тогда, когда и в других странах восстанут рабочие, и захватят власть. Ведь все эти Колчаки да Деникины только на том и держатся, что им иностранная буржуазия дает. Она им снаряды шлет, пушки, офицеров и всю амундацию. Свалит ее—и им конец. Так когда же восстанут заграничные рабочие и крестьяне?

Они уже восстанут. Посмотрим, как идут дела в разных государствах.

Германия.

Немецкие трудящиеся прогнали Вельгельма 9 го ноября прошлого года. У власти стало соглашательское правительство, состоящее из шейдемановцев (Шейеман—германский меньшевик, всю войну поддерживал буржуазию, поддерживает и сейчас).

Оно плещет под буржуазную дудку. Трудящиеся стали возобновляться.

В январе в Берлине (немецкая столица) произошло восстание. Но рабочие еще были слабы, мало было их, и их подавили полицейские и белая гвардия. Тогда же были

Это правительство начало переговоры о мире с союзниками (с Англией, Францией и прочими). Кроме того, оно наобещало рабочим всяких свобод, социализм ввести и так далее, и даже назвало себя „социалистическим правительством“.

Рабочие скоро начали понимать, что это правительство ничего им не даст, потому что убиты Карл Либкнехт и Роза Люксембург, рабочие вожди. Убили их офицеры.

В марте опять вспыхнуло восстание, но на этот раз не только в Берлине, а и во многих других местах. Это восстание было гораздо сильнее чем январское.

Однако, и тут буржуазия и соглашатели жестоко расправились с рабочими: еще не вся армия стала сознательной, некоторые полки шли против повстанцев; другие не принимали участия в борьбе, и белые снова подавили восстание.

В апреле (7 числа) часть Германии—Бавария—сделалась советской. Но как раз только что было разгромлено движение в остальных местах, и рабочие других городов и крестьяне не могли помочь Баварской Советской республике. Так что белой гвардии удалось вернуться в Мюнхен—столицу Баварии. Многих спартаковцев (большевиков тамшних) расстреляли, и вернули власть соглашательскому правительству.

Теперь в Германии готовится снова восстание. На этот раз, надо думать, рабочие победят.

Германское правительство решило подписать мир с союзниками. А по мирному до-

говору союзники требуют с немцев безраздо больше того, что немцы с нас в Гресте требовали. В Германии же и бес того голод и разруха. Германские рабочие волнуются: не хотят они дать себя до чиста ограбить союзникам, не хотят они и такого правительства, которое позволит свой народ грабить. И надо ждать, что скоро восстанут они и прогонят соглашателей, чтобы самим защищать свою свободу, землю и всю страну против союзной буржуазии.

Из Берлина уже пришли всти, что там будет скоро всеобщая забастовка. Как ни вертись нынешнее правительство, все равно ему скоро конец. Думается нам, что еще этим летом Германия станет Советской Республикой.

Франция.

Там за последнее время пошли забастовки. В день первого мая в Париже триста тысяч рабочих с красными флагами вышли на улицы, кричали: „Долой Клемансо“ (главный министр там) и „да здравствует советская Россия“.

Французские трудящиеся требуют, чтобы правительство перестало помогать русским царским генералам—Колчаку, Деникину и прочим. Затем еще недовольны рабочие мирным договором: они видят, что их буржуазия хочет ограбить их заграничных товарищей—немецких трудящихся, и требуют пересмотра договора. Ведь это такой договор, что все равно через несколько лет опять война пойдет.

Кроме того, во Франции растет дороговизна. Дорожает хлеб и все остальные продукты. Войной все разрушено, многие фабрики стоят, масса безработных.

Вот и идет волнение.

В одном Париже, и в его предместьях бастовали недавно пятьсот тысяч металлистов потом еще текстильщики, рабочие сахарных заводов кожевники, рабочие портняжного ремесла—и многие другие.

Забастовочное движение быстро растет.

Англия.

Еще недавно там было довольно спокойно. Теперь не то. В мае рабочие послали делегатов к английскому министру Бонар-Лоу. Рабочие потребовали, чтобы правительство не вмешивалось в русские дела и чтобы оно не помогало царским генералам душисть Советскую Россию (то же самое, что и французские рабочие требуют). Затем они требуют введения везе 7-ми часового рабочего дня, а на рудниках—6-ти часового.

Правительство исполнилось, всем министрам пришлось ехать в Париж на совещание со своим председателем, Ллойд-Джорджем. Правительство думает отборяться мелкими уступками, да это ему не уасться.

16-го апреля в английском парламенте (Думу) ворвались три работницы. Одна из них крикнула буржуазным депутатам:

— „Вы все убийцы. Вы только что кончили одну войну (с Германией), а теперь хотите

начать другую" (с Советской Россией).

Вторая работница кричала: «пока у нас не будет советов, не будет и мира».

Третья: «нам нужны советы».

Вот что говорят теперь английские трудящиеся. Они поднимаются, они восстанут. А тут же, под боком у английского правительства, идет сильнейшее волнение в Ирландии (это маленькая страна, которую когда захватила Англия).

Кроме того, в последние два месяца сильно увеличилось революционное движение в английских колониях: в Индии, Египте и других.

Перечислять все страны—долго, места не хватит да и так яснее ясно, что революция пошла гулять по всему миру.

И ведь Советская Россия не одна уже сейчас: Венгрия—тоже советская республика (с конца марта). На нее уже наступают белые, но она не только отбивается, она гонит их прочь.

В Австрии императора прогнали еще осенью 1918 г. Теперь у нее красная соседка—Венгрия. Австрия, по всей видимости,

тоже скоро советской станет. Там, как в Германии, правительство соглашательское. И тоже приходится ему думать: подписывать мир с союзниками или нет?

Условия тоже грабительские, и выйдет в итоге то же самое, что и в России и Венгрии: трудящиеся увидят, что только советская власть не продаст их никакой иностранной буржуазии, и прогонят соглашателей.

Везде, во всем мире, поднимаются трудящиеся. Три месяца тому назад не то еще было. А теперь как раз начинают демобили звать армии, солдаты идут домой, видят, что такое война буржуазная натворила—и уж не пойдут они против рабочих и крестьян: ведь они тоже рабочие и крестьяне.

Товарищи, российские красноармейцы! Помощь идет—крепитесь, стойко боритесь с врагом.

Враг скоро будет с тылу повален братьями вашими, рабочими и крестьянами других стран.

Но он еще жив—бейте, гоните его, вы—красноармейцы—вооруженные крестьяне и рабочие!

Г. Бергман

Герои и мученики Красной Армии.

В то время, как в тылу ненависть врагов народа к Советской Республике порождает нелепые слухи о наших поражениях, когда явные и тайные контр-революционеры, сами уклоняясь от служб социалистическому отечеству, стараются очернить нашу молодую армию, красноармейцы-фронтовики без шума делают свое великое дело на всех многочисленных наших фронтах.

На фронтах решается теперь судьба не только Советской России, но и судьбы всех трудящихся мира. Условия борьбы с врагом, снабжаемым и поддерживаемым империалистическими правительствами Антанты, требуют от Красной Армии напряжения всех сил и нередко героических усилий. И трудовой народ составляющий юную Армию, чувствует, знает это и дает стране героев, о которых так мало, очень сожалению, пока говорят. Их много, очень много; не все попадают на страницы нашей печати, но и того немного, что становится известным достаточно, чтобы судить о том, как силен дух нашей Красной Армии. Вот несколько фактов, говорящих сами за себя

2 против 30.

На Барановичском участке фронта, в отступившем от Барановичей 1-м полку произошел следующий случай исключительной храбрости и геройской отваги: взводный командир 3 роты тов. Ольхович, будучи вместе с одним разведчиком красноармейцем чрезвычайно ответственной разведке, столкнулся с целым неприятельским отрядом

30 человек, занятым установкой пулемета. Тов. Ольхович не растерялся, быстро и неожиданно бросил четыре бомбы. Белыми овладела паника; они начали бежать и

отталил его назад и сейчас же повернул его на боегардейцев. Как только белые остановились и стали стрелять, затрещал пулемет Ольховича. На выстрелы подоспела наша помощь: в результате белые отступили и нам достался пулемет. Ольхович представлен к награде.

Героическая смерть тов. Буден.

15 мая на юго-восточном фронте пал в бою с казаками член Яикского (Уральского) Ревкома, военный комиссар области тов. Буден.

Тов. Буден вместе с четырнадцатью красноармейцами отправился на усмирение восставших казаков в Красновскую станицу, где встретил эскадрон неприятельской кавалерии.

Завязался горячий бой. Пятнадцать красных орлов, под командой тов. Буден ворвались в сердце неприятеля, и первое время, казалось, что неприятель дрогнул, но численное превосходство смяло красных героев. Тов. Буден с товарищами был изрублен на куски озверевшими казаками.

Однако, дорого обошлась неприятелю эта победа. После занятия нашей частью места боя; там было убито около 60-ти неприятельских трупов.

Тов. Буден — старый партийный работник.

Двенадцать ран.

В Москву прибыл тяжело раненый командир украинской бригады тов. Куличенко. Тов. Куличенко провёл свой боевой путь в рядах 1-й Украинской армии. Он участвовал в боях за Харьков, за Переяславль, за Киев, за Черкассы, за Севастополь, за Севастополь, за Севастополь.

ко, также, как его двое детей, были убиты гайдамаками.

Смертью храбрых.

В бою под Новоселовской погиб героической смертью тов. Иосиф Иосифович Янковский, старый партийный работник, петроградский рабочий. Вся его жизнь была героической подвигом. В 1914 году перед объявлением войны он сражался на петербургских баррикадах, где был ранен 11 раз. Вскоре его арестовывают. После тюрьмы он работал в Риге, где состоял членом рижского комитета партии. Революция выдвигает его на ответственные посты. После октября 1917 г. тов. Янковский был избран председателем Екатеринбургского областного Совдепа.

Вскоре наступают бурные события. Ряд партийных работников попадает в плен к Корнилову. В числе их был и Янковский. Терпя всякие лишения и издевательства он провёл там 10 месяцев. После освобождения он работает в Политотделе 10-й армии. При наступлении Деникина т. Янковский стал во главе отряда партизанов и повёл наступление на Новоселовскую, где одержал блестящую победу. Вернуться ему не удалось.

Т. Янковский пользовался популярностью среди красноармейской массы. Соединяя в себе ораторские способности и кипучую энергию, он был настоящим типом пролетария, способного увлечь за собой окружающих.

Вечная память и слава погибшему на славном посту революционеру.

Командир N-ского полка.

Еще и еще раз приходится отвечать славные заслуги командира Тверского N полка, неоднократно отличавшегося в делах на Псковском и Рижском фронте и отмеченного особой революционной наградой.

Белые, обойдя наши позиции, зашли им в тыл верст на десять и подвергнув обстрелу местечко, занимаемое штабом полка, заняли его. При общей растерянности тов. командир одновременно оставался у телефона, отдавая указания в части полка, стоящие на фронте. В то время, когда местечко было почти ищено нами. Когда дольше оставаться было нельзя, он велел порвать линию и один отступил навстречу нашим частям, отступающим согласно его приказанию на новые позиции. Пока он шел, белые, поведя наступление, прорвали фронт в нескольких местах и отступили в прорывы свои части. Встретив вырванные роты, он успел вырвать их из тыла и присоединить к нашим частям. В это время остальные пять рот вместе с учебной командой непрерывными атаками, перемещаясь в упорные бои, пробивались сквозь позиции белых. В результате наши части прорвались и стали на новые позиции.

Сыпной тиф и как уберечься от него.

Одним из тягчайших бедствий населения России за последнее время является массовое заболевание сыпным тифом, дающее довольно большую процент смертности.

Вспышка этой болезни объясняется крайне тяжелым положением России после изнурительной войны 1914—17 г.г. и вызванными ею расстройством народного хозяйства вообще, а продовольственного и санитарного дела, в частности.

Посмотрим теперь, что за болезнь—сыпной тиф, и какими мерами с ним надо бороться. Характерным признаком сыпного тифа является его внезапность. Болезнь поражает человека вдруг.

У чувствовавшего себя до этого совершенно здоровым, человека внезапно поднимается температура до 39—40 градусов: он теряет сознание, начинает бредить, лежит в тяжелом забытии. В минуты пробуждения он чувствует сильнейшую головную боль, жалуется на общую слабость и разбитость. Он теряет сон и аппетит. Иногда он жалуется и на воспаление в горле и глотке. Сердце обычно начинает работать плохо и слабо. На 3—7-ой день от начала болезни на теле больного появляется мелкая, красно-пятнистая сыпь. Сначала она высыпает на груди и животе, а потом и на остальных частях тела. Температура больного держится все время на той же высоте в течении 2-х недель. После этого, в болезни наступает перелом.

Рассуждается, больной должен постоянно находиться под зорким наблюдением врача.

Еще можно прибавить, что лица, переболевшие раз сыпным тифом, никогда уже больше им в течение всей последующей жизни не заболевают.

Такова в общих чертах картина сыпного тифа.

Но как же уберечься от этой тяжелой болезни?

Единственным путем для достижения этого является чистота. Необходимо все решительно: и тело, и белье, и одежду, и постель, и жилища и пр. и пр. содержать в идеальной чистоте надо почаще мыться, коротко обрезать и почистить ногти. Голову (если почему либо нежелательно остричь волосы) лучше мыть зеленым мылом, или керосином, ксилолом, сулевым уксусом и пр.—для уничтожения насекомых, посредством которых, а именно—посредством вшей (как ниже будет сказано) и происходит заражение сыпным тифом. Надо также стараться почаще менять белье, а грязное белье кипятить в щелоке (с содой или мылом) для умерщвления вшей. Верхнюю одежду можно почистить щеткой, смоченной в карболом или сулеме; можно также прогладить швы горячим утюгом: этим вши уничтожаются. Полезно также

сменить на некоторое время одежду и оставить ее без употребления; тогда, не могущие жить без человеческого тела вши, через несколько дней погибают. Некоторые часто вымазываются какими-либо плохо пахнущими веществами, но это—бесполезно, так как к запахам вши совершенно равнодушны, и отпугивать их такими мерами нельзя.

Затем, надо почаще выколачивать постель и менять постельное белье. Необходимо также заботиться о чистоте квартир: почаще мыть их, следить, чтобы не было пыли, хорошо проветривать и пр.

Особенно усиленно надо наблюдать за чистотой в таких помещениях, где обычно бывает много народу: напр., в казармах, общежитиях, ночлежных домах, на вокзалах, в тюрьмах, чайных, столовых и пр. и пр., так как эти помещения особенно легко загрязняются.

По новейшим исследованиям, зараза сыпного тифа содержится лишь в крови больного. В других же жидкостях и выделениях его организма: напр., в слюне, желудочном соке, моче, испражнениях и пр.—заразы совершенно нет.

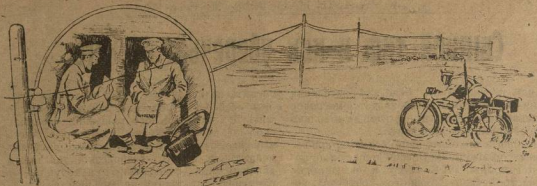
Так можно в течение долгого времени кушать с сыпнотифозным больным из одной миски, его же ложкой, и не заразиться; но стоит только каким-нибудь путем внести немного его крови в кровь здорового, чтобы заразить последнего сыпным тифом.

Зараза сыпного тифа передается от человека к человеку исключительно при посредстве вшей.

Теперь становится ясным, какое огромное значение имеет беспощадное уничтожение вшей, и содержание в чистоте своего тела, белья и пр.—для борьбы с сыпным тифом.

В заключение надо сказать, что в последние дни (в конце мая и первых числах июня с. г.) наблюдается гораздо меньше заболеваний сыпным тифом. Особенно это заметно в Москве. Здесь еще около месяца тому назад тиф свирепствовал. Талер же замечаются лишь отдельные случаи заболевания им.

Это отрадное явление можно объяснить, как усиленными санитарными мерами, так и (еще в большей мере)—наступлением весны и тепла. Так как в теплое время гораздо легче соблюдать чистоту: тела, одежды, постели, квартиры и пр., и чем зимюю: можно почаще мыться, если нет теплой, то хотя-бы в холодной воде; можно на-скоро постирать рубашку, и через час она уже высохнет на солнышке; можно почаще проветривать жилище помещения, выколачивать постель и пр. и пр. А благодаря всем этим мерам, тиф сам собой прекратится, так как чистота—залог здоровья и первое условие лечения почти всех без исключения болезней.

Почта „Красноармейца“.

Тов. Ф. Коровникову. За подписью „беспартийный красноармеец Ф. Коровников“ мы получили письмо, полное жалоб и нареканий на порядки в той части, где тов. Коровников служит. Кос в чем? тов. Коровников, пожалуй и прав, но многие его указания совсем несправедливы. Не надо, из мухи делать слона, и отдельный случай выставлять как общий порядок. Так поступают враги рабоче-крестьянской власти: прицепятся к какому нибудь случаю и трубят о нем на все стороны и раздувают целую историю. А тов. Коровников, хоть и заявляет о своей беспартийности, однако называет себя сознательным борцом за Советскую власть. Ежели так, товарищ, то вы должны хорошенько подумать, раньше чем хулить новые порядки.

Может быть и прав тов. Коровников, жалуетесь на то, что ему не дали отпуска ни на Пасху, ни на Троицу, ни по вызову больной матери. Но дальше товарищ говорит о том, что причиной этого его нежелание „лизать начальство“. Это несправедливо: в Красной Армии не должно быть такого начальства, которое надо „лизать“, а если оно есть, то его надо вывести на свежую воду. Каждый солдат революционной армии может добиться своих прав и, если командир поступил с ним не справедливо, может заявить об этом громко и требовать справедливости.

Тов. Коровников жалуетесь еще и на то, что не все в равной степени служат делу защиты Советской власти. Кроме подполков дезертиров и шуруриков, есть еще „откупающиеся“.

Тов. Коровников рассказывает: — „В городе Саратове есть два душчика, которые берут с товарищей 100 рублей и отпускают их домой. Наши родные два товарища откупались у них и уехали домой“.

Если вы знаете, товарищ, о таком факте, то ваша обязанность сообщить имена мерзавцев. Нет слов, есть в России негодяи изменники, но есть для них скорый суд и расправа.

Тов. Ивану Крылову. Вы жалуетесь, товарищ, на огромное число несознательных в вашем полку. При всеобщей мобилизации иначе и не может быть. Надо, однако, так устроить, чтобы несознательные стали сознательными. Ваша и других товарищей задача просветит темных, дать им понять цели

настоящей войны за освобождение рабочих и крестьян, превратить серых нозогранцев в сознательных и верных солдат рабоче-крестьянской Красной Армии.

Комм. Ячейка N-го полка. Редакция благодарит вас, товарищ, за ваше обстоятельное письмо о недостатках журнала. Все ваши указания приняты нами к сведению. Что касается внесказанного вами пожелания о том, чтобы в каждом номере одна хотя бы статья была посвящена теоретическому обоснованию коммунизма, то оно осуществляется нами уже начиная со 2-го номера (в № 2—статья Д. Полуяна „Коммунизм и среднее крестьянство“, в № 3—статья М. Ольминского о программе Р. К. П. и др.).

Тов. Тарабычкину. Спасибо за хорошее слово о журнале, товарищ! Присылайте материал. Нам, конечно, интересен не только фронт, но и тыл. Наш журнал посылается больше на фронт, чем в тыловые части. Но товарищи с фронта просят рассказать им, что делается дома, в городах и деревнях Советской России, какое участие в борьбе за освобождение трудящихся принимают товарищи, оставшиеся на местах.

Ваше стихотворение „Ленину“ не будет напечатано. Оно и написано не совсем складно, а кроме того, тов. Ленин, конечно, наш великий вождь и учитель, но гимны слагать мы будем не отдельным людям, а нашему делу, нашим великим целям, рабочему классу, мировой пролетарской революции и ее доблестной Армии.

Тов. моряку Павлу Алешкину 1-го морского батальона. Ваш рассказ „Из нашей жизни“ будет напечатан в следующем номере. А дневник ваш, о котором вы сообщаете, вышлите непременно, да поскорее. В нем наверно найдем много интересного.

Тов. Времеву. Ваше стихотворение „Думы Красноармейца“ будет напечатано. Посылайте еще. О крестьянской жизни тоже пишите; может и не все подойдет для нашего журнала; вы этим не смущайтесь. Если то, что вы пришлете, будет интересно, мы передадим в другие газеты или журналы.

Всем. На письмах, которые вы нам посылаете, пишите адрес ясно: в редакцию журнала „Красноармеец“, Москва, Сретенский бульвар, 6.

Красный почтарь.

Старые погудки на новый лад.

I.

Смыв войны недавней копоть
Стал Джон-Буль суров и строг
Приготовился он слопать
Русский лакомый пирог.

II.

Но ему отлили пулю,
Посадив под глазом знак—
Вышиб зубы Джону-Булю
Русский трудовой кулак.

п. з.

I.

Вот стоит одна из многих,
Доверяющих попам:
— «В пользу бедных и убогих
Грошь последний я отдаю»...

II.

Ну, а здесь кто приглянется
Тот увидит—жирный поп
Подаяние вдовицы
Все себе в карман за греб.

п. з.

Что за пакость?!.. Не поймешь?..
Посадила, кажись, я рожь,
Ан, глядишь — один обман
Зместо ржи растет бурьян!..

Но плохого в этом нет! —
Горевать совсем не след! —
Это надобно сносить! —
Будет, чем коров кормить.

п. з.

Издатель:

Литер.-Изд. Отд. Полит. Управл. Реввоен. Сов. Республики.

Редактор:

Редакционная Коллегия.

3-ья типо-литография Палиграфического Отдела Меск. Гор. Сов. Нар. Хоз. Москва, Хвильовская, 56. Тел.

43-86.